

Джерела та література

1. Екологічність електронних книг – правда і вигадка [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.eco-live.com.ua/content/blogs/ekologichnist-elektronnikh-knig-pravda-i-vigadka>
2. Чебенеєв О. Приключення, где ты – герой : книга-игра / Олег Чебенеєв, Андрей Зильберштейн // Мир фантастики. – 2012. – № 4 (104). – С. 60–65.
3. Чи можуть інтерактивні підручники замінити друковані? [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ua.studybuddy.com.ua/news/chi_mozhut_interaktivni_pidruchnyki_zaminyty_drukovani/
4. Barabooka. Простір української дитячої книги [Електронний ресурс] / Barabooka. – Режим доступу : <http://www.barabooka.com.ua/pirati-kiyivs-kogo-morya/>
5. Interactive Fiction – Nick Montfort [Electronic resource]. – Mode of access : <http://nickm.com>
6. Koenitz H. ICIDS: The future of interactive storytelling, plus some Versu thoughts [Electronic resource] / Hartmut Koenitz. – Mode of access : <http://emshort.wordpress.com/2014/11/16/icids-the-future-of-interactive-storytelling-plus-some-versu-thoughts/>
7. Short's E. Interactive Storytelling [Electronic resource] / Emily Short's. – Mode of access : <https://emshort.wordpress.com/how-to-play/writing-if/my-articles/the-prose-medium-and-if/>

Гребенюк Арсен. Інтерактивна література як новий феномен української культури. Рассматривается явление интерактивной литературы как части современной массовой культуры, в частности украинской. Поскольку понятие не является общеизвестным, приводится краткое описание сути интерактивной литературы, ее истоки и развитие в мире и Украине, видовое разнообразие. Описываются основные принципы интерактивной литературы, ее преимущества и проблемы в сравнении с литературой классической. Описание электронной и бумажной интерактивной литературы, так называемых книг-игр, приведено отдельно, поскольку оба вида имеют как общие черты, так и различия. Рассматривается место интерактивной литературы в медиа-пространстве Украины. Упоминаются достижения украинских издательств в сфере интерактивной литературы и некоторые присущие произведениям такого рода проблемы. В работе используются некоторые данные исследований Эмили Шорт – одной из самых известных исследователей интерактивной литературы.

Ключевые слова: интерактивність, гіпертекст, література, електронна література, книга-гра.

Hrebeniuk Arsen. The Perspectives of Evolving National Interactive Fiction. The article examines the phenomenon of interactive literature as part of modern mass culture, including Ukrainian. Since the concept is not well-known, there is a brief explanation of the essence of interactive literature, its history in the world and Ukraine, species diversity. The article describes the basic principles of interactive fiction, its benefits and problems in comparison with classical literature. The description of electronic and paper-line literature, the so-called book-games are shown separately, as both species have both similarities and differences. The place of interactive fiction in Ukrainian media space is examined as well. Achievements of Ukrainian publishing houses in the area of interactive fiction and some characteristic problems with this kind of works are mentioned too. In this article were used Emily Short's quotes, who are the one of best-known explorers of interactive fiction in the post-USSR territory.

Key words: interactivity, hipertext, literature, electronic literature, gamebook.

Стаття надійшла до редколегії
25.11.2014 р.

УДК 130.2.123.4

Вера Мовчан

Герои Николая Гоголя и современная культура

В статье раскрыт сатирический гений Николая Гоголя как источник осмысления представителями философской мысли России социальной и духовной жизни общества. Глубинное проникновение писателя в проблемы социального неравенства позволило открыть губительные его последствия не только для униженных жизнью сословий, но и нравственную патологию представителей господствующего сословия.

Ключевые слова: критичність, об'єктивність, правдивість, моральний пафос.

Постановка научной проблемы и ее значение. Обращение к творчеству Гоголя актуализировалось в современном мире, в том числе в украинских реалиях, поскольку обострились те пороки, которые были предметом художественного осмысления великого писателя-психолога и философа во взглядах на человека и ценности человеческой жизни.

© Мовчан В., 2014

Цель данной статьи – раскрыть значение творчества Гоголя в становлении традиции критического осмысления русской философией духовной ситуации общества, обнажающей социальный гнет, моральное убожество помещичье-феодалных отношений, консерватизм в понимании ценностей жизни.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Герои Гоголя – люди, активно задействованные в систему наличных обстоятельств. Они живут, чтобы богатеть (Чичиков, Хлестаков), они существа, живущие утехами тела (старосветские помещики). Материально-чувственное начало жизни для них доминантно. Эта жизнь – особенный мир, за пределы которого они никогда не выходят, ибо даже не подозревают о существовании иных ценностей, иных человеческих отношений, иных жизненных миров.

Гоголь гениален видением отношений в патриархальной среде, приведшей к разрыву нравственных связей, теряющей определенность своего образа. Пространство, в котором оказываются люди, вышедшие из круга патриархальных нравственных ценностей, предстает как пространство внедуховное, вненравственное. Герои не вошли в мир иных – духовно-нравственных связей с интеллигентной средой. Она чужда и незнакома им. Помещичье-патриархальный быт своеобразен пониманием жизненных ценностей, которые в сознании этих людей предстают в виде ценностей еды и питья, сна и ничегонеделания. Материальное начало жизни – главная знакомая и понятная им «ценность». Несуразность попыток общения, выливающаяся в нелепое прожектерство (Манилов) или разговоры о пище и охоте (Ноздрев) и т. п., лишь свидетельствует о случайности и необязательности таких форм общения.

Писатель открывает глубины утраты (отсутствия) нравственных понятий и человечности чувств в двух разновидностях этого явления: Плюшкин и Чичиков. Жадность Плюшкина патологична: его крестьяне полностью разорены своим хозяином. Они раздеты и разуты: чтобы набрать воды из колодца, вынуждены зимой по снегу бегать босиком. Оставленные у колодца ведра хозяин ворует у своих крестьян, поэтому они «мрут как мухи». Собственного сына (единственного) он обрекает на смерть, отказываясь дать деньги на погашение карточного долга, считавшегося в офицерской среде «долгом чести». Отказ отца оказался для Вольдемара роковым. Он заканчивает жизнь самоубийством. Деньги, вещи для Плюшкина – предмет страсти, причем самоценный, ибо он *плохой* хозяин. Все в его имении в крайне запущенном состоянии. Заиметь вещь для него главное. Значения не имеет нужна она или нет, пригодна или нет. Владение – вот смысл и главная его страсть.

Своеобразным завершением разворачивания образа страстей, доходящих до патологии, явлен мир Чичикова, «собирающего судьбы покойников» для владения ими как живыми душами. В самом деле: что стоит за этим меркантильным интересом к отошедшим в мир иной человеческим душам. Патологическая страсть обретения, даже ушедших из жизни людей, имена которых, записанные в реестрах о смерти (смерть освободила их души и тела от принадлежности хозяину, – сделав тем самым, хотя бы в мире ином, людьми свободными), снова, теперь уже мертвых, делают чужой собственностью. Мировое искусство не знало такого феномена, ибо европейская культура основывалась на несколько иных принципах. Правда, в творчестве Э. Золя феномен буржуазной формы обретения собственности явлен как превращение человека в раба, но уже на иных основаниях: инстинкт жизни толкает человека на продажу себя ради выживания («Жерминаль»). У Гоголя крайняя безысходность жизни людей, находящихся в чужой собственности – вовсе не жизнь, ибо они лишены какой-либо возможности выбирать. Свобода возможна лишь через смерть. Однако, как открыл правду жизни своим искусством Гоголь, в отношениях господства и подчинения человек даже в смерти не обретает свободу. Его душу можно купить, чтобы владеть ею.

Тема души, жизнь ее после смерти активно присутствует в творчестве Николая Васильевича Гоголя. Образ ее, рвущейся к свободному самовыражению, явлен в знаменитом «Вие»: душа, вышедшая за пределы отведенного ей места (гроб), реализует свою потребность в свободе, организуя собой пространство церкви, в ритмическом танце-вихре. За необычной до парадоксальности ситуацией коммерческая сделка с душами усопших имеет глубокий философско-художественный смысл: в мире, где основной ценностью являются не богатства, создаваемые людьми, не их практические умения, а люди как физическая реальность, подлежащая учету и определяющая своей численностью социальный статус, общественное положение своего владельца. Это крайняя форма потери представления о человеке как ценности, превращение его уже при жизни в мертвую последовательность цифр, которые образуют человеческие души для их владельцев.

Нравственно одичавшее сословие поместных дворян – наиболее широкий социальный слой средних владельцев – костяк и основание патриархального устройства русского феодально-дворянского общества, которое в течение нескольких веков было основным сословием русского общества, сословие, утвердившее отношения господства – подчинения в его крайних формах, где человек от рождения становится чужой собственностью. (В эпоху рабства – культура Древнего мира – рабство развилось как тип отношений на несколько иной почве: не расплатившийся с долгами становился собственностью кредитора; попавший в плен воин становился рабом. Если господин разрешал ему иметь семью, то дети, рожденные от раба, также становились рабами.) Н. Гоголь едва ли не первым, после Радищева, спустя сто лет после выхода в свет замечательного «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790), всесторонне осмыслил вненравственный уклад жизни в феодально-патриархальном обществе. Отсюда понятна и последующая ситуация в истории русского общества, известная как «хождение в народ» разночинной интеллигенции, корнями уходящей в глубины русского общественного быта, но сумевшей вырваться за ее сковывающие рамки и увидевшая свое предназначение в том, чтобы открыть «низшим», наиболее бесправным слоям общества понимание их социального положения, безнравственность системы, в которой им отказано в праве называться человеком (слово «человек» употреблялось для обозначения слуги вообще).

Полагаю правомерным утверждать, что ситуация «хождения в народ» с целью пробудить самосознание русского народа, веками жившего под помещичье-феодальным гнетом, была актуализирована творчеством Радищева и его преемника в обнажении истины феодальных отношений, как отношений выражено вненравственных, восходящих едва ли не ко нравам Древнего Рима, – Николаем Гоголем. Два «полюса» творчества писателя, которые отмечают исследователи, это, во-первых, отражение названного выше типа организации отношений (полное подчинение одного человека другому – феодализм как вид рабства) и противоположный тип (полнос) – жизнь, наполненная искрящейся радостью – образ Украины, живущий в сознании писателя как идеальная модель счастливой жизни. Н. В. Луначарский в статье «Гоголь», характеризуя полюсы жизни как полюсы добра и зла, красоты и уродства, находит их реальную являемость, с одной стороны, в идеализированном образе Украины, а с другой – в ярко критическом образе России, негатив которой сконцентрирован в русской помещичье-чиновничьей среде. «...Живет ли в мечтах Гоголя преклонение перед широкой казацкой стариной или смутно ему какое-то счастливое будущее Украины, полное смеха, песен и могущее всей своей молодой грудью отдаться ласкам солнца и ветра, – все равно мечта эта целой пропастью отделена от кривляющейся жизни тогдашней идиотской России, в недрах которой должен был жить Гоголь» [5, с. 72]. Луначарский-критик тонко отмечает глубины нравственного сознания Н. Гоголя: созданный тонко чувствующим человеком, он внутренне настроен на воспевание красоты жизни – красоты природного мира и устремленности на поиск ее в мире человека и человеческих отношений. Однако, как акцентирует критик: «Кричащее противоречие между миром, жившим в его душе и звучащем в унисон с украинской природой, и пошлой действительностью манило к себе. Подлые рожи быта дразнили и звали к оплеухе» [5, с. 73].

Явление Гоголя в русской культуре стало событием, которое требовало осмысления на уровне понимания смысложизненных ценностей: что есть истина человеческого в человеке, что составляет сущность человеческой жизни, в чем правда жизни. Знаменательно, что появление первых повестей Н. Гоголя вызвало интерес публики и получило не просто одобрительную оценку в литературной критике, но было охарактеризовано как выдающее явление в культуре. В. Белинский свою статью «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”»)» строит на принципе аналогии, чтобы раскрыть новизну и оригинальность творчества гения, вступающего на ниву литературного творчества. В анализ задействовано не только творчество Ломоносова, Державина, Жуковского и их современников. Критик обращается к творчеству времен греческой античности и эпохи Шекспира. Целью видится выявить оригинальность, подлинный талант и гениальность воссоздания образа действительности в истории художественной культуры. Отмечая своеобразие творчества Гоголя, критик пишет: «...Отличительная черта произведений г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность – все это черты общие; потом комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния – черта индивидуальная» [2, с. 130]. Анализируя названные черты творчества гения, критик отмечает и такую в числе важнейших: «Совершенная истина жизни в повестях г. Гоголя тесно соединяется с простотою вымысла. Он не льстит жизни, но и не клеветает на нее, он рад выставить наружу все, что есть в ней прекрасного,

человеческого, и в то же время не скрывает нисало и ее безобразия. В том и другом случае он верен жизни до последней степени» [2, с. 132].

Важны эстетические характеристики «гумора» Гоголя, отмеченные В. Белинским: «Комизм или гумор Гоголя имеет свой, особенный характер: это гумор чисто русский, гумор спокойный, простодушный, в котором автор как бы прикидывается простачком» [2, с. 138]. Отметим, что такой тип отношения к героям продиктован потребностью открыть им и обществу истину: только выявив недостатки, раскрыв смешное в человеческом понимании ценностей жизни, можно стимулировать потребность самоконтроля в направлении поиска истины о подлинных ценностях жизни, о путях обретения ее для реализации себя в полноте творческих возможностей.

С позиций сказанного открывается гуманизм творческого осмысления Гоголем ценностей жизни из потребности открыть их людям в ситуации от противного: увидев нелепость собственных представлений о ценностях, человек должен осмыслить свое предназначение в жизни, чтобы, реализуя его, ощутить подлинный смысл. И поскольку предметом осмысления предстает мелочность и суета героев в очевидности ее, то отвержение этой ситуации, не принятие ее как нормы, тем более как ценности – важный шаг на пути к поиску истины. Именно этим целям и служит культура смеха в истории человечества.

Эстетическое содержание юмора Гоголя критик открывает, приводя многочисленные цитирования, содержащие предельную выразительность ситуаций, характеров, отношений, свидетельствующие смысловую емкость образного языка писателя. Характеризуя своеобразие юмора Гоголя, критик пишет: «Итак, гумор г. Гоголя есть гумор спокойный в самом своем негодовании. Но в творчестве есть еще другой гумор, грозный и открытый; он кусает до крови, впивается в тело до костей, рубит со всего плеча, хлещет направо и налево своим бичом, свитым из шипящих змей, гумор желчный, ядовитый, беспощадный» [2, с. 130]. Белинский не останавливается на характеристике качеств гоголевской сатиры, но дает ее живой пример. Продолжая приведенную выше характеристику сатирического гения Н. В. Гоголя, он иллюстрирует ее эпизодом из комедии: «Хотите ли видеть это? Я покажу вам его – смотрите: вот бал, куда собралась толпа мишурных знаменитостей ничтожного величия, чтобы убить время, своего всегдашнего врага, убийцу, толпа бледная, чудовищная, утратившая образ и подобие божие, позор людей и бессловесных...» [2, с. 139]. Приводимые критиком цитирования произведений писателя призваны настроить читателя на размышления: не он ли один из героев Гоголя. Неоднократное возвращение критика к творчеству писателя – свидетельство понимания ценности его творчества для духовного оздоровления общества.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» В. Белинский, определяя значение русской литературы в жизни общества, увидел важность тенденции все более и более тесного ее сближения с жизнью, с действительностью [2, с. 641]. И снова этапным в ее истории критик видит феномен Гоголя: «За исключением Гоголя, который создал в России новое искусство, новую литературу и которого гениальность давно уже признана не нами одними и даже не в одной России только, мы видим в *натуральной школе* довольно талантов... Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали действительность, то есть изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине» [3, с. 649]. Мы привели лишь некоторые мысли критика о творчестве Гоголя, анализ которого актуально присутствует во многих работах, таких, например, как: «Похождения Чичикова или Мертвые души», «Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя» и др.

Возвращаясь к мыслям В. Г. Белинского, содержащимся в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”», обратим внимание на некоторые ее аспекты, актуальные для нашего времени: сравнивая искусство эллинов и времен Шекспира с современным, критик видит поэзию названных эпох «реальной поэзией», имея в виду, «что вечный герой, неизменный предмет ее вдохновений, есть человек, существо самостоятельное, свободно действующее, индивидуальное, символ мира, конечное его проявление, любопытная загадка для самого себя, окончательный вопрос собственного ума, последняя загадка своего любознательного стремления...» [1, с. 108]. Эти мысли важны тем, что позволяют проследивать общее направление движения человечества как явление постепенной утраты образа, увиденного искусством как движение вниз, отказ от попытки ответить на вопрос о предназначении человека, открыть тайну его бытия. Проза жизни, захлестнувшая его, свела жизнь к физическому существованию и мелочности интересов. Если же они являют себя в некоторой необычности, нестандартности, то предстают как патологические, подобно интересу Чичикова, которого обуяет жажда приобрести «мертвые души», завладеть ими как своей собствен-

ностью. В творчестве Н. Гоголя прояснение человеку себя – бремя, которое берет на себя писатель: увидеть в патологии ценностей, которые стимулируют «героев» на действие, ужас потери человеческих качеств у самого их основания. Ведь даже животным дано чувствовать страх смерти. Они не уничтожают себе подобных, а в опасности объединяются для сохранения вида.

Гуманистический смысл творчества Гоголя, который правомерно определить как пафос борьбы за человеческие начала в человеке, всесторонне осмыслен в философии русского серебряного века. Его произведения – гуманистический пафос их – предмет заинтересованного анализа русской философской мысли. П. И. Новгородцев, ставя вопрос о предназначении человека, видит его таким образом: «Для нравственного сознания вопрос ставится не о том, уготована ли для человечества на земле в близком или отдаленной будущем обитель блаженства, а в том, имеет ли добро обязательное значение в жизни или нет. Важно то, чтобы творчество человека, его мысли, его дела имели внутренний смысл, имели значение и оправдание пред лицом Абсолюта» [6, с. 63]. Анализируя идеи Л. Толстого о ценностях жизни и предназначении человека, философ пишет: «Ярко сияет для Толстого свет внутреннего религиозного просвещения, и совершенно блекнет перед этим судьба внешних общественных форм» [6, с. 188]. Противопоставляя виденье Толстого идеям славянофилов, Гоголя и Достоевского, философ отмечает: «Славянофилы, Гоголь, Достоевский также выступали с проповедью личного совершенствования, но какая огромная разница между ними всеми и Толстым. Со всех сторон замкнутое, как бы вылитое из единого металла учение Толстого отличается могучей односторонностью и непримиримостью... Ничего подобного у славянофилов, у Гоголя и даже Достоевского, у которых с проповедью личного душеспасения сочетается известное примирение с миром условных и несовершенных форм окружающей действительности» [6, с. 189–190]. Если в отношении Ф. Достоевского можно с некоторой осторожностью согласиться с высказанной оценкой, то, как представляется, к Гоголю она не применима. Ужас реальности, каковой являют себя герои «Мертвых душ» или «Ревизора», свидетельствует о непримиримости писателя к душевной патологии названных «героев».

В. Ф. Эрн, характеризуя место русской философской мысли в истории философии, отмечает, что «русская философская мысль должна раскрыть Западу безмерные сокровища восточного умозрения» [7, с. 83]. Проследившая смысловой объем понятия «умозрение», философ в качестве убедительного примера приводит личность Г. С. Сковороды. Он исполнен «священного огня... значительнее и больше своих глубоко оригинальных и замечательных философских творений» [7, с. 89]. Говоря о Гоголе, В. Эрн констатирует, что он «не написал ни единого “философского” произведения... Последние годы жизни Гоголя, в которых разыгрывается его религиозная драма (а корни этой драмы во *всей* его жизни), полны огромной философской глубины» [7, с. 89]. Возвращаясь к мысли о несостоятельности формального понимания смысла философского творчества, В. Эрн пишет: «Персонализм русской мысли имеет *существенный*, а не случайный характер. Тайны сущего раскрываются в недрах личности... Вот почему мало знать, что написали и что сказали Гоголь, Достоевский или Соловьев, нужно знать, что они пережили и как они жили. Порывы чувства, инстинктивные движения воли, выраставшие из несказанной глубины их молчания, нужны не для простого *психологического* истолкования их личности (так сказать для полноты биографии), а для углубления в “логический” состав их идей» [7, с. 90]. Созвучная идея о философской глубине русской культуры высказана Н. Бердяевым: «Культура на вершинах своих приходит к самоотрицанию. Творчество в искусстве, в философии, в морали, в общественности переливается за границы своей сферы, не вмещается ни в какие классические нормы, обнаруживает порыв к трансцендентному <...> Тот же переход за границы искусства, порыв к предельному и иному бытию был у великих русских писателей, у Гоголя, Достоевского, Толстого» [3, с. 349].

Важное место личности Н. Гоголя в истории русской философии определяет в своей работе «История русской философии» В. В. Зеньковский. «...Те религиозные мыслители, которые связали себя с православной Церковью, становятся вождями и вдохновителями большого и очень творческого, очень смелого движения, которое ищет в церковном сознании ответа на все сложные и мучительные вопросы жизни. Этим было положено начало очень глубокому и плодотворному течению в русской философии» [4, с. 186].

Углубляя анализ творческого вклада Н. Гоголя в русскую духовную культуру, исследователь пишет: «...В нем ярче, чем в других, выразилось разложение морального и эстетического гуманизма; Гоголя можно без преувеличения назвать пророком православной культуры. В этом выразилось его

участие в развитии русской философской мысли, в этом громадное значение Гоголя в диалектике духовной жизни в России XIX века» [4, с. 188].

В контексте сформулированного нами проблемного поля исследования, нацеленного на вопросы смысла жизни как жизни нравственно содержательной, столь актуальное в современную эпоху, важно обратиться к мыслям Гоголя, приводимым Зеньковским. Душевную трагедию писателя критик видит в несовместимости в реальной жизни нравственного и эстетического начал. «Гоголь носил в себе какую-то отраву, – вернее говоря, он глубоко ощущал всю трагическую проблематику современного морального сознания. Моральный идеал, которым он... был “одержим”, им самим воспринимался, как нереальный и даже неестественный, как некая риторика, не имеющая опоры в естественном строе души. Мучительнее и резче всего переживал его Гоголь в теме, столь основной для всего европейского и русского гуманизма, – в вопросе об отношении к людям как “братьям”» [4, с. 190]. Проблему Гоголь видит в том, что любить можно прекрасное («душа хочет любить одно прекрасное») [4, с. 190]. Любить человека в его несовершенствах, которые так глубоко видел Гоголь и мучился этим видением, значило смириться с несовершенством, принять его как естественное в человеке, как его сущность.

Выводы. Приходится констатировать, что современная культура настолько потеряла подлинность образа человека – его человечность, что вопрос о несовершенствах в силу открывшейся истины о них, снят современной культурой, устранившей ее в качестве актуальной проблемы. Отметим, что оптимальным Н. Гоголю видится синтез морального и эстетического начал в человеке, способный рождать гармонию отношений по объективному основанию: любовь к красоте – стимул нравственного отношения к ней из потребности сохранять и лелеять красоту, источник, питающий жизнь духа. Созданию такого содержания жизни посвятил свой гений Николай Гоголь, самоотверженно борясь с уродствами современной ему жизни.

В культуре нынешнего века отчуждение, ставшее нормой отношений между людьми и отношений их с миром природы, принимается как неизбежность, снимая вопрос о нравственной состоятельности человека, а тем самым и возможности красоты человеческих отношений.

Источники и литература

1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Статьи и рецензии. – М. : Худож. лит., 1948. – С. 100–147.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 3. Статьи и рецензии. – М. : Худож. лит., 1948. – С. 641–683.
3. Бердяев Н. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М. : Правда, 1989. – С. 254–580.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т., 4 кн. Т. 1, ч. 1 / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – 221 с.
5. Луначарский А. В. Гоголь / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. Статьи о литературе. В 2 т. Т. 1. – М. : Худож. лит., 1988. – С. 69–77.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М. : Пресса, 1991. – С. 13–522.
7. Эрн В. Ф. Борьба за Логос / В. Ф. Эрн // Эрн В. Ф. Сочинения. – М. : Правда, 1991. – С. 11–294.

Мовчан Віра. Герої Миколи Гоголя і сучасна культура. У статті розкрито сатиричний гений Миколи Гоголя як джерело осмислення представниками філософської думки Росії соціального та духовного життя суспільства. Глибинне проникнення письменника у проблеми соціальної нерівності дало змогу відкрити її пагубні наслідки не тільки для принижених життєвими верствами, а й моральну патологію представників панівного стану. Гуманізм творчості Гоголя глибоко осмислений російською філософською думкою як етапне явище в духовному житті суспільства – джерело розвитку самосвідомості, свободи духу і творчих начал особистості.

Ключові слова: критичність, об'єктивність, правдивість, моральний пафос.

Movchan Vera. Nikolai Gogol Characters and Modern Culture. In this article there is described the satirical genius of Nikolai Gogol as the source of interpretation of the social and spiritual life of society by the representatives of Russian philosophic thought. The deep penetration of the writer into the problems of social inequality allowed to open its deep consequences not only for life object classes but also the moral pathology of the dominant class representatives. The humanism of Gogol oeuvre is deeply comprehended by Russian philosophic thought as stage phenomena in society spiritual life – the source of self understanding development, spiritual freedom and individual creative initiative.

Key words: criticism, objectivity, truthfulness, moral pathos.

Статья поступила в редколлегию
24.11.2014 г.